

Алиия Подгайская

**ЛЮБОВЬ
НА ВСЕ ВРЕМЕНА**

Красавица Титмун отдала мужчине, которого полюбила, — римлянину Ливию не только своё сердце, но и саму жизнь. Последний привет возлюбленному она передала с их сыном, которого, предчувствуя свою смерть, отправила в далёкий путь к отцу («Последний дар любви»).

Злая воля матери разлучила Хельвенну с её возлюбленным Ланселотом. Но любовь, завладевшая их сердцами, осталась с ними навсегда. И судьба сжалилась над влюблёнными — они снова встретились, когда их дочери было уже 15 лет. Поздно? Нет, сердца открыты для любви всегда, а счастье быть вместе не теряет силы с годами («Любовь и ненависть»).

Среди пожара войны, разгоревшейся между Йорками и Ланкастерами, рыцарь Герберт Смайли спасает от верной смерти молодую женщину, потерявшую всё, и отправляет её в свой дом. Юная Ингрид завладела сердцем рыцаря, но он твёрдо уверен в том, что его долг состоит, прежде всего, в расширении своих владений, и готов жениться на бесцветной наследнице соседних земель. Долг и любовь борются в его сердце, и побеждает любовь, принеся огромные счастье вместо клочка земли («Война, долг и любовь»).

Лилия Подгайская

ЛЮБОВЬ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

*Проносятся над
Землёй годы и
пролетают столетия,
бушуют войны и
ураганы, сменяют друг
друга властители, но
сердцами людей
неизменно правит одна
владычица — Её
Величество ЛЮБОВЬ.*

Последний дар любви

Британия

Лето 439 года

Когда последний римский легион покидал Британию, сердце красавицы Титмун было разбито. Из её жизни уходил навсегда единственный мужчина, который был ей нужен, нет, необходим для счастья. Он покориł её с первого взгляда, её, гордую красавицу Титмун, ради которой мужчины готовы были на всё — и свои, бритты, и пришельцы с юга, римляне. Но она отвергала всех, гордо отворачивая изящную золотоволосую головку, не

желая дарить просителю даже взгляда. Она берегла себя, сама не зная для кого, поняла это лишь тогда, когда впервые увидела его.

Высокий, широкоплечий, мускулистый и при этом гибкий и подвижный, он сражался один на один с громадным бриттом, обладавшим, как все знали, несокрушимой силой. Бритт возвышался над своим соперником как гора, наносил разящие удары, от которых, казалось, нет спасения, но ему не хватало подвижности. А римлянин, лёгкий и подвижный, несмотря на немалую силу мышц, шутя, уходил из-под ударов, красиво двигаясь на своих длинных, стройных ногах, как будто танцевал изящный ритуальный танец войны. Выглянувшее из-за туч солнце отражалось в его блестящем шлеме, нагруднике и наколенниках, рассыпая вокруг слепящие искры.

Стоявшие кольцом вокруг них мужчины, как римляне, так и бритты, громко ревели, по заслугам оценивая каждый удачный выпад силача-бритта и каждый красивый уход из-под удара легконогого римлянина. Время от времени их мечи скрещивались с огромной силой, высекая искры и грозно звеня металлом. Но, несмотря на кажущуюся несокрушимость ударов бритта, римлянин каждый раз отбивал их недрогнувшей рукой, на которой бугрились мышцы. Потные тела блестели на

солнце, но темп битвы не снижался, оба воина были полны решимости сражаться до победы.

Когда Титмун подошла к месту битвы, она была в самом разгаре. Легко раздвинув кольцо мужчин, окружавших ристалище, она оказалась в самом первом ряду зрителей и могла наслаждаться созерцанием мужской силы во всей её красе. И сразу же дрогнула сердцем, увидев стройное тело римлянина. Лицо его было скрыто шлемом, и девушка не могла увидеть его, но посадка головы, сильная шея, разворот широких плеч сразу же покорили её. Ей бы желать удачи своему, бритту, а она, вопреки здравому смыслу, ожидала победы римлянина. И тоже крикнула что-то подбадривающее, когда снова со звоном и искрами скрестились их мечи. Римлянин, отскочив от соперника, на мгновение оглянулся и пронзил её взглядом насквозь, как ей показалось. А потом с удвоенным рвением устремился на своего соперника, который начинал уже выдыхаться от такого резвого темпа. Победа досталась ему.

Римлянин, в знак победы, поднял над головой сжатую в кулак руку и снял шлем. И Титмун увидела впервые то, что будет теперь всю жизнь сниться ей, и на смертном одре будет стоять перед её глазами — его лицо. Молодое, загорелое лицо с правильными, немного резкими чертами и стального цвета глазами, сверкавшими не хуже его

блестящего шлема. Тёмные, слипшиеся от пота, волосы красиво окаймляли это мужественное, полное внутренней силы и уверенности в себе лицо. Он окинул собравшихся взглядом победителя и встретился глазами с прекрасной незнакомкой, стоявшей в первом ряду. Поднял руку, призывая к тишине, и сильным низким голосом громко объявил:

— Свою победу в этом сражении я посвящаю прекрасной синеглазой незнакомке с золотыми волосами.

Рёв довольных мужских голосов поднялся над землёй — это был красивый жест. И в ту же минуту и она, и он поняли, что он одержал сегодня ещё одну очень важную победу — над её гордым неприступным сердцем. И когда вечером он нашёл её, она не стала отпираться, только просияла ему навстречу синими глазами и отдалась его сильным рукам, прижимавшим её бережно и нежно. В ту же ночь красавица Титмун уже принадлежала доблестному римскому легионеру по имени Ливий. А он назвал её Титанией. С этого дня расцвела их любовь, подобной которой не суждено было больше испытать ни одному из них. Это была такая любовь, что даётся людям очень редко, как бесценный дар, и соединяет сердца неразрывно и до последнего вздоха.

И вот теперь римляне навсегда покидают завоёванную ими Британию, и два слившихся в одно сердца должны расстаться. Тяжело, страшно, больно, но оба знали, что сделают то, чего требует от них судьба. У него там, в далёком Риме жена и двое детей, она навсегда привязана к этому зелёному острову. Прощаясь навеки, он надел ей на шею самое ценное, что у него было — знак своего рода. Она одарила его мощным защитным амулетом, который сняла со своей груди.

— В этом амулете заключена могучая сила, оберегающая от болезней, напасти и преждевременной смерти, — прошептала она, надевая на него свой дар, — и теперь он будет оберегать тебя, потому что твоя жизнь для меня драгоценнее всего на свете. Береги его и никогда не снимай, мой герой.

— Никогда, сердце моё, клянусь тебе, — так же тихо ответил любимый голос, — он всегда будет со мной, и, глядя, на него я буду видеть твои глаза. Ты же никогда не расставайся с моим родовым знаком, я оставляю его здесь вместе со своим сердцем.

— Да, любимый, он будет греть мне душу до конца жизни, напоминая о тебе. Только с последним вздохом я расстанусь с ним. И клянусь тебе, любовь моя, что никогда больше ни один

мужчина не получит доступа к моему телу, никогда.

— Жестоко требовать такого от женщины. Но я, наверное, последний себялюбвец, потому что твои слова наполняют меня невыразимым счастьем. Сам я такого обещать не могу, у меня есть обязательства по отношению к семье, но никогда, слышишь, любовь моя, никогда ни одна женщина не получит тепла моего сердца, только бездушный акт слияния, когда этого потребуют обстоятельства. Сердце же моё остаётся здесь, с тобой, и ты будешь чувствовать его тепло всегда, поверь. Как и я на любом расстоянии буду чувствовать тебя.

Они расстались, и сердца их долго кровоточили от той невидимой глазу раны, которую нанесло им прощание. Но в течение многих последующих лет они действительно чувствовали друг друга на расстоянии. И иногда ночью просыпались в один и тот же час от счастливого ощущения их близости, даря друг другу себя щедро и беззаветно. Несколько дней после такой сладкой ночи Ливий ходил сам не свой. Но долг перед семьёй он выполнял неукоснительно. Отдавал жене, когда она желала его, свою мужскую силу, но никогда не отдавал себя. Женщина чувствовала это, и осознание того, что желанный мужчина таит в сердце другую любовь, подтачивало её силы. Когда жены не стало, Ливий отдал причитающуюся ей

дань памяти и наотрез отказался взять в дом другую женщину. Дети росли, выросли, он щедро дарил им своё внимание, занимался делами, которые требовали его участия, но всё свободное время отдавал воспоминаниям о любимой женщине, оставленной далеко на севере, в зелёных холмах туманного острова. Прикасался к заветному амулету, прижимал его к губам и как будто чувствовал её рядом с собой. И был счастлив, когда приходила ночь их любовного слияния, осязаемого так ярко, как будто это действительно происходило в реальности.

А на далёком зелёном острове женщина, называемая теперь всеми Титанией, получила ещё один подарок от единственного в её жизни мужчины. Через полгода после его отбытия в свои южные края она родила сына, удивительно похожего на отца, только глаза у него со временем оказались материнскими — синими. Она назвала сына непривычным здесь именем — Титус и воспитывала его как воина. Мальчик вырос сильным и красивым. Глядя на него, Титания представляла рядом его отца. Они были очень похожи, хотя следы, оставленные временем на лице любимого, женщина удивительным образом чувствовала и как бы видела. Мальчик вырос и набирал силу, что радовало сердце матери. Она нашла ему отличного учителя, способного обучить

не только местным приёмам борьбы, но и тем, которыми пользовались римляне. Что ни говори, а воинами они были отменными. И много хорошего оставили после себя в Британии. Взять хотя бы прекрасные дороги, которых не знали бритты до римского вторжения. И крепости, которые теперь служили тем, кто остался на этой земле. И мать сумела вложить в сердце сына гордость за отца и любовь к нему. Свои воинские победы юный Титус посвящал красавице матери и в сердце своём отцу — такому, каким он видел его со слов матери. Но она так ярко, так красочно говорила ему об отце, что юноша, казалось, воочию видел его перед собой. Кроме того, с улыбкой говорила мать, ему достаточно просто посмотреть в спокойную гладкую воду, чтобы увидеть там облик отца.

Как и обещала когда-то любимому в час разлуки, Титания так и не позволила ни одному мужчине больше даже коснуться себя. Время от времени она собирала в себе данные ей от природы силы и по ночам как бы переносилась в объятия своего единственного и незаменимого мужчины. И наступала сладостная ночь любви. Она знала, что за каждую такую ночь платит годами жизни, но это не останавливало её. Если бы её могучий амулет был с ней, всё было бы проще. Но он теперь оберегал жизнь того, кто был женщине дороже всех на свете. И она ни разу не пожалела ни о том, что отдала

амулет любимому, ни о том, что платит столь высокую цену за возможность ощутимо, почти реально побыть в его объятиях. Ливий был самым главным, самым необходимым человеком в её судьбе, и саму свою жизнь она подарила ему.

Когда Титусу исполнилось двадцать лет, и он набрал полную силу, Титания в последний раз отдалась любви со своим далёким возлюбленным и поняла, что жизнь её пришла к концу. Нет, она была всё так же прекрасна, как и два десятилетия назад, разве что взгляд стал более глубоким и мудрым, но жизненные силы её исчерпались. Тогда она призвала к себе своего сына и велела ему собираться в дальнюю дорогу.

— Ты должен преодолеть все трудности пути, мой мальчик, — сказала она, и в глазах её горел огонь веры в то, что она говорила, — и найти в далёком Риме своего отца. Ты, конечно, узнаешь его, а он узнает тебя, я уверена. Но для верности ты покажешь ему вот это.

Женщина сняла со своей груди знак рода Ливия и надела серебряную цепь на шею сына, рядом с заветным амулетом, который раздобыла для него и который даётся человеку только однажды в жизни. Надёжный защитный амулет будет хранить в пути и в жизни её сына, а серебряный знак рода откроет ему дорогу в иную жизнь, рядом с отцом. Потому что ей самой

остаётся всего лишь несколько дней земной жизни. И она ни о чём не жалела, хотела только, чтобы сын ушёл поскорее и не видел её мёртвой. В его памяти она желала остаться навсегда живой, молодой и красивой.

— Поспеши, сын мой, пока не пришли холода, и можно преодолеть путь по земле и по воде, — добавила она, глядя на него ласковым, любящим взглядом, — и скажи своему отцу, когда встретишь его, такие слова.

Она задумалась на мгновение и тихо добавила, глядя уже куда-то в пространство, невидимое и недоступное сыну:

— Моя мать Титания велела передать тебе, отец, слова: «Это последний мой дар тебе, любимый».

Юноша с тревогой посмотрел на мать.

— А ты, мама, — спросил тихо, — ты как будешь жить здесь одна?

— За меня не беспокойся, мальчик мой, — ответила спокойно, — у меня всё хорошо, и я счастлива. Запомни это навсегда. Я счастлива, что именно так прожила свою жизнь. Я счастлива, что встретила и полюбила такого замечательного мужчину, как твой отец. И я счастлива, что вырастила такого прекрасного сына, как ты, Титус. Я горжусь тобой, мой мальчик. И с радостью

отправляю тебя к отцу. Уверена, вам будет хорошо вместе. А меня просто помни, помни всегда, сынок.

Тронутый этими словами Титус поцеловал руку матери и стал собираться в дальний путь. Когда он отбыл, напутствуемый добрыми пожеланиями матери, Титания долго сидела без движений, отдавая последние силы вдогонку своему сыну, чтобы облегчить ему путь, а потом пошла и тихо легла на циновку, чувствуя приближение конца. Через несколько часов она испустила последний вздох. А на далёком юге в этот момент больно дрогнуло сердце у Ливия, и ему показалось, что на землю опустился холод, и он никогда уже не сможет согреться.

Сильный и смелый, Титус сумел преодолеть все трудности на пути к далёкому Риму и спустя несколько месяцев предстал перед глазами потрясённого отца. Тот понятия не имел о его существовании, но сразу всё понял, когда увидел перед собой своего двойника, такого, каким он был в далёкие молодые годы. А сын снял с шеи знак рода и протянул его на раскрытой ладони отцу, глядя на него восхищёнными глазами. И сказал слова, которые велела передать мать. «Это последний мой дар тебе, любимый». Сердце Ливия болезненно сжалось. Это могло значить только одно — его любимой женщины уже нет среди живых. Она дарила ему свою любовь всю жизнь,

даже на расстоянии, а теперь прислала к нему их сына. Что может быть драгоценнее этого дара!?

Ливий шагнул вперёд и обнял неожиданно обрётённого сына, скрывая слёзы, закипевшие на глазах.

— Приветствую тебя, сын мой, — сказал, немного успокоившись и взяв себя в руки, — я рад тебя видеть и готов принять в свой дом. Но это ты оставь у себя, как знак того, что я принимаю тебя своим сыном и наследником.

Он снова надел на шею сына знак рода и увидел на груди его амулет, похожий на тот, что уже много лет оберегал его самого.

— Это мама, — сказал Титус, перехватив его взгляд, — она уже давно надела его на меня, чтобы оберечь от боли и преждевременной смерти. Она всегда любила меня и даже гордилась мною, так она сама сказала. И она всегда любила тебя, отец. Об этом не надо было говорить. Просто глаза её, когда она вспоминала о тебе, горели таким светом, что больно было смотреть. Она научила меня любить тебя и гордиться тобой. И отправила меня к тебе, когда стала терять силы. Я не говорил ей, что вижу это, и выполнил её волю. Но сердцем я чувствую, что её уже нет среди нас. Она хотела, чтобы я помнил её молодой, сильной и красивой, я это понимаю. И я навсегда сохраню в сердце её образ, до самого своего смертного часа буду

помнить женщину, которая дала мне жизнь, и которую я не просто люблю, она свет моей души.

— Да, сынок, всё так, — ответил тронутый его словами отец, — она всегда, с самой первой встречи любила меня и отдала себя в этой любви целиком, без остатка. И она, конечно же, очень любила тебя, я чувствую это. Её любовь исходит от тебя видимым только мне светом. И — да, сын мой, я тоже чувствую, что её уже больше нет среди живых. Мне больно думать об этом, потому что в ней была вся моя жизнь, моё сердце осталось с ней, когда я вынужден был уехать из Британии. Но теперь у меня есть ты — её последний дар мне. И мы вместе будем помнить и любить её, сколько живём, сынок.

Ливий действительно с радостью принял своего британского сына в свою жизнь, отдал ему всё своё внимание, вложил много сил, чтобы научить его всему тому, что знал сам. Старший сын от законной жены был, к сожалению, совсем не таким, как хотелось бы отцу, вёл распутный образ жизни и два года назад глупо погиб в случайной драке. Дочь была замужем и жила далеко от отца, да и она никогда не была близка его сердцу. И вот теперь он обрёл сына, с которым его связывали искренняя любовь и полное взаимопонимание, и ещё любовь к одной и той же женщине, оставшейся в сердцах обоих навсегда.

Ливий приложил немало усилий к тому, чтобы продвинуть сына по военной стезе. Он признал его своим наследником, и это открыло молодому человеку дорогу в жизни. Спустя несколько лет в прославленном легионе, где служил когда-то сам Ливий, появился новый талантливый военачальник, носивший имя Титус Ливий. Он покрыл себя воинской славой, не в одном сражении одержав блестящую победу. Его знали, им гордились. И конечно, безгранично гордился успехами сына счастливый отец. Он и умер на руках Титуса. И последние его слова, когда сын приподнял его, чтобы облегчить дыхание, были:

— Титания, любовь моя, сердце моё, я иду к тебе. А наш сын пусть живёт в здравии и в славе.

Уже затуманивающимися глазами он посмотрел в синие глаза сына, так похожие на её глаза, улыбнулся деревенеющими губами, вздохнул, и его не стало. Сын, едва сдерживая слёзы, закрыл стальные глаза отца, не потерявшие своего блеска до последней минуты, и поклялся себе все оставшиеся годы жизни быть достойным сыном этого замечательного человека и удивительной женщины, которую он нежно называл мамой.

Любовь и ненависть

Англия, Шропшир

Зима 1142 года

Вот уже пять лет между королём Стефаном и его кузиной, императрицей Матильдой, шла ожесточённая борьба за английский трон. И фортуна, как дама непостоянная, подносила победный кубок к губам то одного, то другого из соперников, но не давала испить и глотка пьянящего нектара победы. Этой зимой Стефан уже готов был торжествовать над кузиной, когда ему удалось взять её в кольцо, всё теснее сжимавшееся вокруг замка, где она нашла защиту. Но, увы, непонятно каким чудом императрица выбралась из осаждённого Оксфорда, ускользнув в Уоллингфорд под защиту брата, после чего замок открыл ворота королю. Стефан был вне себя. Подумать только — псу под хвост пять трудных военных лет, и всё надо начинать сначала. Первым желанием взбешённого короля было разрушить и сжечь злополучный замок со всеми его защитниками. Но в памяти всплыла кровавая расправа, учинённая им когда-то в Шрусбери, и рука не поднялась повторить такое.

А в странноприимном доме аббатства Святых Петра и Павла в предместье Шрусбери вот уже больше двух месяцев приходил в себя после

полученных в сражениях ранений молодой рыцарь сэра Ланселота Вайверса. Монахи-бенедиктинцы приложили немало сил, чтобы выводить его, когда в начале зимы он упал с коня у ворот их обители. Сейчас рыцарь уже ходил, прихрамывая, по территории аббатства, и хотя был ещё слаб и бледен, порывался чем-то помочь своим спасителям. Зима эта выдалась на редкость снежной. Первый снег выпал ещё в декабре, а потом всё сыпал и сыпал. И теперь аббатство оказалось отрезанным от внешнего мира. Для раненого это не имело большого значения — он всё равно не мог уйти отсюда раньше весны, когда восстановит силы. Так сказал брат-лекарь, а его приходилось слушать, поскольку именно ему рыцарь был обязан жизнью. В первые дни после того, как сэра Ланселот попал в аббатство, брат-лекарь не отходил от него и даже ночевал здесь же, в маленькой комнатке лазарета. Потом на помощь ему пришли брат Рун и брат Хэл, по очереди дежурившие у постели раненого. А когда рыцарь стал подниматься, наконец, на ноги, к нему частенько начал заходить брат Ранульф, в ведении которого были скрипторий аббатства и хранящиеся здесь книги. Брат Ранульф, стараясь отвлечь раненого от боли в повреждённой ноге, которая заживала медленно, рассказывал ему интереснейшие истории, которые почерпнул из

вверенных ему книг, да и из собственного жизненного опыта. Попав в аббатство уже зрелым человеком, и приняв постриг по велению сердца, брат Ранульф не забыл, однако, того, с чем столкнула его жизнь. И много интересного поведал молодому рыцарю, слушавшему его с большим вниманием. В долгие зимние вечера, когда за окнами завывала метель, и было очень тоскливо на душе, двое мужчин говорили о жизни, всё больше сближаясь между собой и находя много общего в своих воззрениях и оценках событий. В один из таких вечеров рыцарь решился поведать брату Ранульфу историю своей жизни, полную драматизма и сердечной боли.

История эта началась пятнадцать лет назад и не была чем-то необычным. Но каждому человеку своя боль больнее всего, и сердце кровоточит после незаслуженных обид, нанесённых жестокой рукой. А дело было, как выяснилось, в конце концов, при сопоставлении всех собранных от участников этой драмы фактов, так.

Только-только барон Арчибальд де Плеси отбыл из своего замка Гельсик в крестовый поход против сарацин, чтобы могучей рукой способствовать освобождению Иерусалима от неверных, как ко двору его прибыл проситель. Сын одного из самых верных и надёжных вассалов барона, Росселина Вайверса, приехал с намерением

получить под рукой сюзерена необходимые военные навыки и завершить своё образование. Услышав об этом, баронесса Клотильда вознамерилась отправить просителя восвояси, сославшись на отсутствие своего супруга и господина. Но, увидев прибывшего молодого человека, переменяла своё решение и приняла его весьма любезно.

Восемнадцатилетний Ланселот Вайверс был очень хорош собой. Высокий, стройный и гибкий, как молодой тополёк, он обещал вскоре обрести силу и стать подобным могучему дубу в расцвете жизни. Светлые, как зрелые пшеничные колосья, волосы красивыми волнами обрамляли чуть удлинённое лицо с прямым носом и великолепно очерченными чувственными губами. А глаза! Своей чистой голубизной они могли поспорить с летним небом. Баронесса почувствовала, как всю её охватывает непреодолимое горячее желание прижаться к этому молодому телу, приникнуть к нежным губам и раствориться в голубизне глаз.

Клотильда де Плеси была исключительно красивой женщиной, несмотря на то, что молодость её была давно уже позади. Тёмные кудри женщины оставались густыми и блестящими, а чёрные, как ночь, глаза сверкали живо и молодо. Прямая стройная фигура сохранила девичью гибкость. Ни один мужчина не мог остаться равнодушным к

притягательной красоте баронессы, хотя её двадцатитрёхлетний сын давно уже управлял своим манором, а пятнадцатилетняя дочь была на выданье.

Баронесса ласково улыбнулась юноше и сказала, что рада приветствовать его в своём замке и надеется проявить себя гостеприимной хозяйкой. Молодой человек улыбнулся в ответ, сверкнув белыми зубами, и, наклонившись, поцеловал изящную ручку, от чего сладострастная дрожь пробежала по телу женщины. А голос его прозвучал небесной музыкой, когда им были произнесены вежливые слова благодарности. Так молодой Ланселот водворился в замке барона де Плеси.

Пролетела весна с её молодой зеленью и цветущими садами. Пришло лето, и под жаркими лучами солнца нега разливалась в воздухе, и тело баронессы таяло, растворялось в ней. Но ничего не изменилось в её отношениях с молодым Вайверсом. Он как будто не замечал её призывных взглядов, не видел зовущей страсти полураскрытых влажных губ. Он был вежлив и почтителен с ней, но не более того. А она сходила с ума, видя его крепкую обнажённую грудь и сильные, бугрящиеся мышцами руки, когда он тренировался в бое на мечях с воинами её мужа, охраняющими замок. В такие минуты она замирала у окна своей комнаты, выходящего как раз на поле для ристалища, и

могучее желание сотрясало её тело, а любовные соки истекали мускусно пахнущей лавой. Тяжелы были ночи после такого зрелища — баронесса металась по кровати, изнывая от неуголённого желания, и сон не шёл к ней. Она могла бы удовлетворить свою страсть с кем-то их молодых пригожих мужчин, коих в замке было немало, но упрямо хотела только его, этого молодого Аполлона, не желавшего замечать её тяги к нему.

И как-то в конце лета леди Клотильда решила открыто призвать молодого мужчину в свои горячие объятия. Но, глядя в его небесно-голубые глаза, увидела в них лишь смущение. А голос, на модуляции которого откликалась каждая клеточка её тела, произнёс слова, которые ударили в грудь как лезвие ножа:

— Я глубоко уважаю и почитаю вас, миледи, как почитал бы мать, которой лишён. Но я всем сердцем полюбил вашу дочь Хельвенну, и она любит меня. Я как раз намеревался просить у вас её руки. Надеюсь, что барон де Плеси, вернувшись из Святой Земли, согласится с этим. Моё положение наследника отца открывает мне дорогу в круг самых приближённых дворян моего сюзерена.

Леди Клотильда на какое-то время потеряла дар речи, но быстро пришла в себя и ощутила, как в душе её всепоглощающая любовь к этому молодому наглецу, отвергшему её так просто, так

легко, мгновенно превратилась в такую же жгучую ненависть. Она улыбнулась холодно и насмешливо:

— А вот этого не будет никогда, мой юный друг. Наша дочь уже давно сговорена. А вам придётся покинуть этот замок завтра же утром, с первыми лучами солнца и никогда, слышите, никогда более не появляться здесь. Вы посмели нарушить покой моей невинной дочери, это недопустимый проступок, и я не желаю вас больше видеть.

— Но, миледи... — попытался умолить её молодой человек.

— Никаких «но», юноша, — жёстко прервала она, — завтра с рассветом и ни минутой позже.

Ланселот вежливо поклонился хозяйке замка и вышел. Как он и опасался, увидеться с Хельвенной ему не позволили. Но, пользуясь хорошими отношениями с капитаном замковой стражи, он упросил его передать любимой записку, которая, как выяснилось позднее, попала в руки девушки только через пять дней, когда судьба её уже была решена. Записка была короткой:

«Твоя мать разлучает нас, любимая, изгнав меня из замка твоего отца. Она против нашей любви. Я уезжаю в дальние края, но обязательно вернусь к тебе, потому